

выставка

Галерея 2004 - 30 янв - с 13.

“МЫ ИЗВОДИМ СЕБЯ УПРЕКАМИ”

Илья Кабаков в Третьяковской галерее

СЕРГЕЙ САФОНОВ

В Третьяковской галерее на Крымском Валу открылась вторая часть выставки-инсталляции Ильи Кабакова «Десять персонажей». Строго говоря, это никакая не новая экспозиция, а «издание второе, дополненное»: к уже показанным пяти альбомам музейщики просто добавили остальные.

Первый вернисаж, совпавший с открытием многолюдного декабрьского «Арт-Магежа», посетили только самые преданные поклонники кабаковского искусства. Получается, в тот раз можно было и не спешить. Открывавшие двухчастный музейный проект альбомы «Украшатель Малыгин», «Полетевший Комаров», «Вокноглядящий Архипов», «Мучительный Суриков» и «Отпущенный Гаврилов» из экспозиционного пространства так и не убрали, а новые добавили. Так что теперь музейный зал укомплектован ими, что называется, под завязку — не ясно, по решению ли самого автора. В результате экспозиция выглядит следующим образом. Стены по периметру зала на высоту человеческого роста выкрашены той самой зеле-

ной краской, что на уровне подсознания вызывает стойкие ассоциации то ли с казенщиной советских общественных интерьеров, то ли с коммунальной кухней или больничным коридором. С низкого деревянного каркаса с равными интервалами свисают шестнадцать лампочек в металлических абажурах. Они освещают лабиринт, выстроенный из фанерных подставок под инсталлированные — то есть показанные одновременно всеми страницами — альбомы. Изображения не сброшюрованы, а вставлены в багет и стекло, соединены, а затем установлены на уровне глаз бесконечной гармошкой. Зритель имеет возможность бродить по узким проходам между этими конструкциями, вчитываться в тексты и вглядываться в изо-

бражения, созданные автором.

«...Как уходил один утром на реку, так и пропадал там целый день, приходил уже затемно, вечерять...»

Говорят, такая организация пространства выполнена по эскизам самого Кабакова. И это очень продуманное решение, заставляющее каждого посетителя оставаться наедине с художником — если бы не бубнящий в углу монитор с говорящей головой Павла Пепперштейна, невнятно повествующего о творчестве Ильи Иосифовича. Кабаков — безусловный мэтр-современник, а это, так сказать, мостик от него к еще большей современности; почему-то считается, что техническая примитивность исполнения видеопродукции и полное отсутствие в ней драматургии суть неизбежные атрибуты интеллектуальной продвинутой ее создателей.

«Я думаю, что раздражался он оттого, что не был сам никаким специалистом вовсе и на работу был принят совершенно случайно».

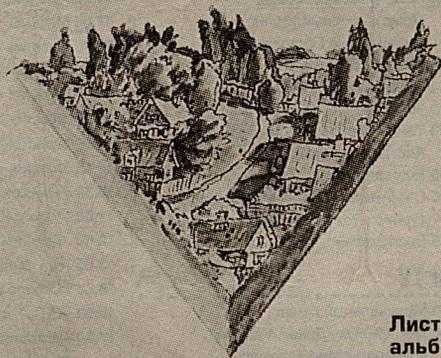
Кабакову удалось парадоксально, но гармонично соединить изображение, рассказывающее о «внутренних голосах» автора на языке детской журнальной иллюстрации (молодой график Кабаков отдал дань этому делу) и использующее на первый взгляд заниженный художественный язык, с текстами и даже движением. Последнее, правда, в исполнении зрителя, перебирающего листы на столе или продвигающегося мимо них в музее. И тут действительно не так уж и важно, что перед нами — рукотворный рисунок «тушь, перо», офсет или еще какой, что называется, принт: в конце концов, на просмотре хорошего фильма зрителя не волнует, какой порядковый номер копии ему демонстрируют, было бы качество. По темноте своей не скажу, написал ли Кабаков что-либо фундаментальное только и исключительно словами, но тексты, включенные в ткань альбомных изображений, воспринимаются органично. И главное, психологически достоверно — в отличие от натужных поползновений многих его «последователей».

«У меня такое чувство, что его кто-то все время разыскивает, зовет...»

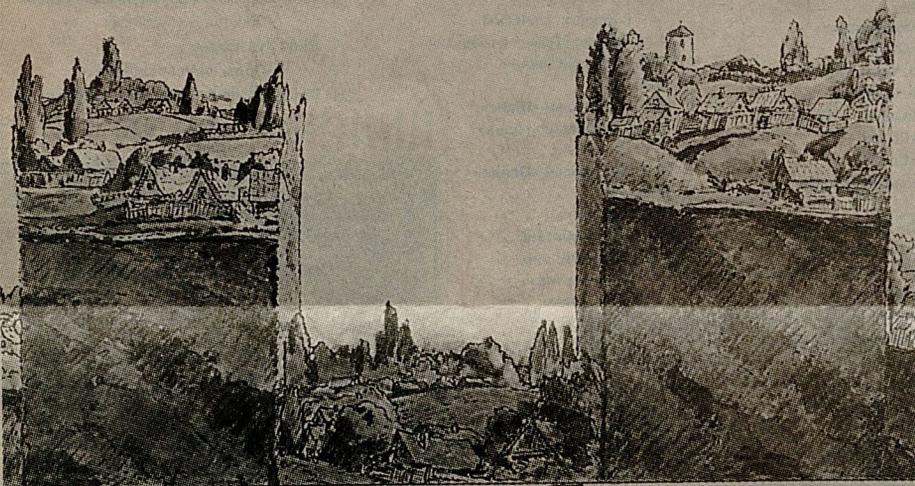
Перед зрителями продемонстрирована не только реализация авторского замысла, но и промежуточный результат позиционной борьбы музейных отделов. История непростых отношений уехавшего из страны художника и ее главного музея началась еще в начале работы над созданием постоянной экспозиции «Искусство XX века»: дискуссия о том, заканчивать ли столетие Кабаковым, разворачивалась на удивление остро. Нынешняя инсталляция оказалась действительно наиболее удачной из всего, что музей пытался показать в своем неловком тридцать восьмом зале. Но архитектурное пространство Третьяковки таково, что дальше следуют тридцать восьмой и тридцать девятый, экспозиционных помещений не хватает, а альбомы, ставшие наконец собственностью музея, исполнены в начале семидесятых. Так что «закрыть век» таким Кабаковым в любом случае не получится. К тому же в отведенном ему нынче пространстве ГТГ любит показывать скульптуру. С другой стороны, музейный отдел новейших течений наиболее склонен к экспансии.

«Меня очень волнуют три листа предпоследней серии рисунков, где домик и человек совсем, совсем лишние».

„Шутки Льва Теоновича.“

Листы из эпохальных альбомов Ильи Кабакова обычно рассматривают по отдельности: в Третьяковке они впервые представлены полностью

„Страшные горки“ в Дронницах.